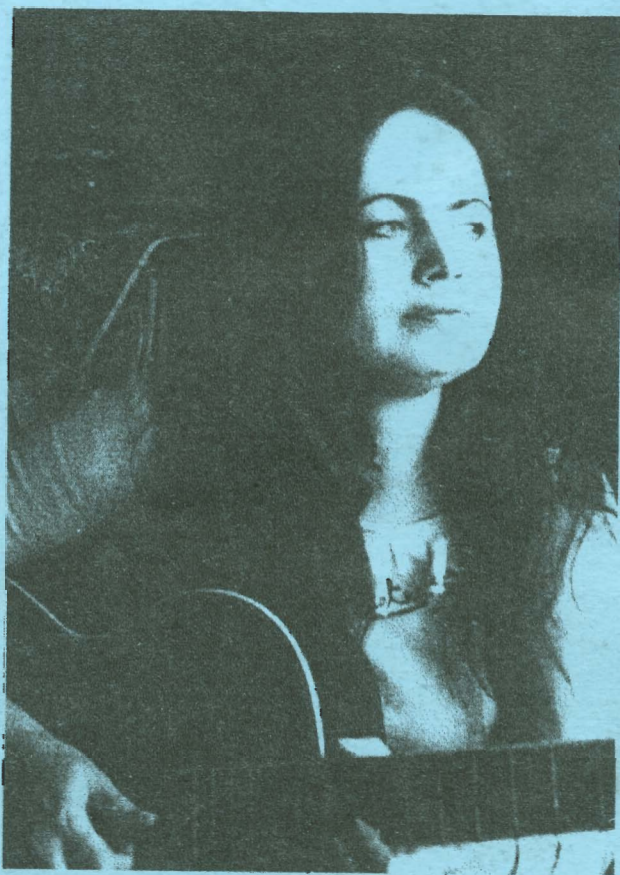

84(2 Рос-Руч) 6

П-56

ТАМАРА ПОНОМАРЁВА

ПСИХЕЯ

84(ЗРос-Рус)6
П56

ТАМАРА ПОНОМАРЕВА

ПСИХЕЯ

СТИХИ

г. Москва
Московская городская организация
Союза писателей России
2003 год

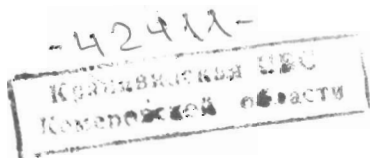
Об авторе:

Тамара Алексеевна Пономарева — родом из Кузбасса, из древнего казачьего села Крапивина, в котором бывали декабристы, Достоевский, жил серб художник Вучичевич-Сибирский — ученик знаменитого И.И. Шишкина.

Писательница закончила после десятилетки Кемеровскую культурно-просветительную школу (при театре им. Луначарского, первый набор и первый выпуск), Всесоюзный государственный институт кинематографии. Ныне она член Московской городской организации Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, член-корреспондент Международной славянской академии, кавалер ордена Дружбы, многих других государственных и общественных поощрений.

Имя писательницы с первой книги стихов в учебнике для университетов — “История русской советской литературы”, ушедшем в 80 стран мира, увековечено в четырех энциклопедиях.

Тамара Пономарева — автор более двух десятков книг поэзии, прозы, публицистики, многих песен, написанных с известными композиторами: Л. Лядовой, А.

Лепиным, П. Барчуновым, В. Пьянковым, Ю. Зацарным и др., кантаты в семи частях, созданной в соавторстве с композитором Ю. Дунаевым, приобретенной Министерством культуры СССР, исполняемой детским хором ансамбля им. Локтева. За кантату авторы получили награду ЦК ВЛКСМ.

Песни Тамары Пономаревой исполнялись и исполняются известными артистами: В. Толкуновой, Э. Жерздевой, Л. Трухиной, Т. Петровой, В. Ульяновой, Г. Поляковой, А. Крамский и др.

Конечно, многолетнее сотрудничество со многими композиторами страны не могло не развить в Тамаре Пономаревой еще одной грани: она — бард. Исполняет свои песни под гитару и фонограммы.

Из прозы известны ее книги о Шукшине, Глинке, 600-летнем роде Бартеневых; из поэзии — “Белый гребень”, “Олень — золотые глаза”, “Русский ангел”, “Китеж-град” и др.

За стихотворение “Памяти принцессы Дианы” получила благодарственное письмо от посла Ее Величества королевы Великобритании Эндрю Вуда. За книгу “Сербия русскими глазами” — благодарственное письмо от временного поверенного в делах СР Югославии (тогда территория Сербии и Черногории так называлась) Радослава Пайковича. Она получала благодарственные письма от депутата Государственной Думы РФ А.И. Николаева, от зам. министра по национальной и региональной политике В.Н. Шамшурова, от администрации президента.

Творчество ее коснулось не только истории и культуры собственной страны, но и Сербии, Черногории, Польши, Германии, Анголы, Италии, Испании, стран СНГ.

Снималась в кино — художественном Ю. Мороза “Эксперимент-200”, документальных — “Картина”, “Памяти Василия Шукшина”, “Русские идут”.

Не случайно и тема ратного подвига в произведениях Тамары Пономаревой — четыре сына бабушки Арины отняла Великая Отечественная война 1941-1945 гг., как не случайно и то, что в этом году ей вручен Почетный знак “За мужество и любовь к Отечеству” Фондом “Маршал Жуков”.

За спиной Тамары Алексеевны — несколько заводов, среди них — один, называемый тогда “почтовым ящиком”, на котором она варила детали для солнечных батарей космических кораблей. Как выяснилось позже — один из них был Германа Титова.

Известна ее благотворительная деятельность — по проблемам инвалидов войн в Афганистане и Чечне, русским беженцам, во время событий в 1992 году в Приднестровье, одаренным детям из социально необеспеченных семей. За активную творческую и общественную деятельность Международным регентом Российского трона и “Императорским Домом” России писательнице вручена грамота о пожаловании дворянского титула графини.

Тамара Пономарева является членом президиума Международного Женского социал-демократического

конгресса, председателем Русского центра (в этом году исполняется пятнадцать лет), президентом авторской программы (в рамках государственной) "Одаренные дети России" (в этом году исполняется десять лет), председателем Ревизионной комиссии Московской городской организации Союза писателей России (девять лет), была сопредседателем Комитета по армянской литературе при Международном союзе писателей.

Первое стихотворение Тамара Пономарева опубликовала в 14 лет в районной газете села Крапивина.

КРАПИВИНО

От крапивы ноги жаром жжет,
На крапиве все село живет.
Люд его Крапивиным зовет:
Там крапива к вам повсюду льнет.
А крапивинских узнаешь враз:
Бровь крутая и прищурен глаз.
Но для жгучих, как крапива, ласк
Ты в село вернешься к нам не раз.
И меня в крапиве родила
Мама на окраине села.
Сердце мне крапивой обожгла,
Чтоб свой край забыть я не смогла.

ЗОЛУШКА

Я с бала шумного тихонечко сбежала.
Я туфельку хрустальную спасала.
А звезды обрывались по спирали,
Не долетая до земли, во тьме сгорали.
И принц не сказочно ушел с другою:
Не захотел бежать в ночи за мною.
А я срывала с рук перчатки белые
И на балах быть больше не хотела,
Где свет от люстр до неприличья ярок,
Вниманье снисходительный подарок.
Зачем судьба дала мне туфли эти,
Что так прекрасны только на паркете
И неуместны вне дворцов и залов,
Но так нужны девчонкам всем для бала.
Ах, ощущение ветра и свободы,
И близость первозданности природы!
Я, не жалея, туфельки снимаю
И босиком по травам убегаю.

РУССКАЯ ПЛЯСКА

*Посвящается
дочери маршала Г.К. Жукова –
Маргарите Георгиевне*

*Мне рассказал один фронтовой журналист, что
Г.К. Жуков, подписав документы о капитуляции Герма-
нии, попросил привезти гармониста, чтоб пройтись в
русской плясовой перед ошеломленными представите-
лями союзных держав и всеми присутствующими при
столь эпохальном событии*

За деревню Стрелковку,
За всех не пришедших с войны
Он плясал горячо в побежденном Берлине,
Бравый маршал великой и славной страны,
Как герой богатырь
В древнерусской былине.
Так плясал,
Что знобило в испуге ковры,
Еще помня фашистов в немецком Карлхорсте.
Но подхватят солдаты
Сердечный порыв,
Но запомнят навек иностранные гости
Соколиные очи,
Крылатость бровей,
Как он гром высекал на кругу каблуками.

А за ним возникали
Просторы полей,
И народ, что не сломлен врагами веками.
А за ним возникали
В огне Сталинград,
И стоявшие насмерть
Под Курской дугою,
И девятого мая Победный парад,
И салют в честь Орла, и салют под Москвою.

БАГДАД

В Багдад пришла война:
Горят дворцы Саддама.
Опальная страна
Унижена до срама.
Звучит в сердцах набат,
Вся взвихрена планета!
Явился миру ад...
За что? Не жди ответа.
Пылающий Восток,
Пришедший в ярость Запад.
Аллах велел иль Бог,
Но явлена расплата
За то, что горд и смел,
за то, что независим.
Багдад — людской предел
Отчаявшейся мысли.
Огнем ракетный смерч
Взорвал сопротивление.
Он сеет всюду смерть
И нет нигде спасения.
Летит снарядов град,
Небес взрывая своды.
Низринут в прах Багдад —
Отнюдь не для свободы!
Прикушен в кровь язык
Приверженцев ислама.
Как жгучей боли вскрик,
Горят дворцы Саддама!

* * *

Памяти Александра Лебеда

Лебеди летят над Красноярском,
Крылья задевают облака.
На земле следы охоты царской,
На земле туманные снега.

Клином плотным выстроилась стая,
Только нет среди них лишь одного...
Как случилось — это смерть лишь знает,
Но она не скажет ничего.

В трауре предел Новочеркаска,
Вздروгнули Кабул и Кандагар,
Как в снегах суровых Красноярска
Пал, как воин, Лебедь-командарм.

Не дождется матушка слепая,
У жены в глазах темным-темно.
Но подхватит в поднебесье стая
Лебедят отставших на крыло.

Пух лебяжий кружит белым снегом,
Падая с лазурной высоты.
Но любившим небо — падать с неба,
Молодость сберечь — пасть молодым.

Лебеди кружат над Красноярском,
А, быть может, это облака.
На земле следы охоты царской,
На земле туманные снега.

МУЗЫКА РУССКОГО НЕБА

Музыка русского неба —
Слышатся колокола!
Где б не была я, где бы ты не был —
Память лишь ею жила.

Музыка русского неба —
Звоны мерцающих звезд,
Запах пшеничного хлеба,
Шелест российских берез.

Музыка русского неба —
Песня крестьянки в ночи,
Искры летящего снега,
Белой зимы калачи.

Музыка русского неба —
Глаз дорогих ясный свет,
Всюду с тобой, где бы ты не был —
Это славянский секрет.

Музыкой русского неба
Вновь околдована я.
В этой бездонной дали отпетой
Жизнь и погибель моя!

* * *

Славянский мир, вставай плечо к плечу!
Вошла в ряды дружин слепая смута.
“Иду на Вы! — в лицо врага кричу.
Знай, после ночи наступает утро.

Предвижу я и подлость, и обман,
Кровавых рек смесительные воды,
Предательство нам чужеродных стран
И свергнутые в ад земной народы.

Славянский мир, иезуиты вновь
Испытывают стены крепостные.
Как стяг — Надежда, Вера и Любовь
Для тех, кто верен нам, вновь позывные.

Предвижу я цыганское житье,
Кочевий изнурительное царство.
Но миг наш единения грядет
И отступает перед ним коварство.

ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ

1.

Севилья, Гранада, Кордова, Толедо, Мадрид,
Простите, пожалуйста, мне не испанский мой вид.
Но Глинки во мне "Арагонская хота" звучит,
И в танце Кармен, словно пламя, горя, вновь летит.
Соперником ей может быть лишь один Дон Хуан,
Который известен как Дон Жуан среди стран.
Причудлив наряд, а гребень в прическе ее золотой,
И вечна Кармен, как вечен ее кавалер молодой,
Как вечна любовь, у которой есть только начало
И нету конца!
Кармен это всем доказала.

2.

Брови соболиные, а глаза - цыгана...
Смотрят исподлобья пристально и странно.
Без огня и дыма я в ночи сгораю,
Только этой пагубы не опровергаю.
Вздروгнули и замерли два разных полушария!
Что с тобой, страна моя, гордая Тамария?
Что с тобой, душа моя, вьюжная Снегирия?
Как понять Испанию, если из Сибири я?
Только снится профиль мне четкий, как у сокола,
Губ шершавых молодость и морщинки около.
Обжигает щеки мне имя его светлое...
Тайна моя тайная, самая заметная!

3. МАТАДОР

Пласо де Торрес Панплоны,
Навстречу несущийся бык.
Клопочут в нем грузные тонны
И высунут в пене язык.

Фиеста поет и ликует,
И славит тебя, матадор.
Наваррец пред смертью танцует
И смотрит бесстрашно в упор.

Как будто король сам Дон Карлос,
Вовек не забудется мне.
О Господи! "Вива, Наварра!" —
Кричу до сих пор и во сне.

Богаче, чем принцы, одетый,
Ты жертвенно - в красном плаще,
Гарсией Лоркой воспетый,
Крыло ли поднял иль плечо?

Здесь мужество ценится выше,
Чем трон, президентство и власть!
Коррида — мечта для мальчишек,
Безумье, отвага и страсть.

Гудит от восторга арена:
Убит не один уже бык.
Здесь смерть, как и жизни, мгновенна!
Исчез в небе сдавленный вскрик.

Ничто пред тобой камикадзе,
Когда здесь играют с огнем.
Фиеста колдует и дразнит,
Как битва, любовь или праздник,
Во взоре застывшем твоём...

КЛЕОПАТРА

Александрия вновь должна смириться:
Так повелел непобедимый Рим!
Спасая сына Цезаря, царица
В последний раз склоняется над ним.

У храма ржут Октавиана кони,
Чтоб третьей властью Клеопатру взять.
Игрушкой был в руках ее Антоний —
Любимый, не любимый — не узнать.

На царство венчанный, от ран скончался.
По стенам пляшут отблески огня.
Как стон, прощальный шепот вдруг раздался:
“Антоний, милый, подожди меня...”

Из храма Солнца жрец змею доставит
Для Клеопатры, как она велит.
Укус змеи красавицу отравит:
Никто ее теперь не покорит!

Ей не услышать в храме конский топот,
Как будут славить Рим среди бела дня!
Через века доносится к нам шепот:
“Антоний, милый, подожди меня...”

* * *

Ирэне Церович-Джамони

Взошла Балканская звезда:
Раскол на “чет” и “нечет”.
И льется кровь, а не вода,
Тех, кто решил перечить.

Вовек спасала мир любовь,
Жизнь заслонив собою.
Меч занесен врагами вновь
Над сербскою землею.

Над непокорною сестрой
Всемирный враг глумиться,
И кровь течет опять рекой,
А недруг веселиться.

Но он не знает, что уже
Созрели гроздья гнева:
От имени невинных жертв
Взошел протест посева.

Но враг один, одна беда:
Дай, Бог, надежд и силы!
Взошла Балканская звезда —
Сестра моей России.

ГЕФСИМАНСКИЙ САД

Проходят вновь за годом год,
Даруя рай и ад.
Но мне покоя не дает
Вновь Гефсиманский сад.

Зачем остался на ночлег
В нем Иисус Христос —
Учитель, Бог и человек?
Но тайну он унес...

Загадка скрыта от людей
Природою самой
Среди деревьев и детей,
Пугая тишиной.

Зачем сморил учеников
Его той ночью сон?
Сквозь толщу сумрачных веков
Бессмертьем входит он.

Легко идущий по воде,
Даруя свет окрест...
Распятый грозно на кресте,
Он — жизненный мой крест.

Но лишь в ночи луна взойдет,
Свой затуманив взгляд,
Вновь мне покоя не дает
Тот Гефсиманский сад...

СУЛАМИФЬ

*Библейская героиня "Песнь песней" Соломона
и повести А.И. Куприна "Суламифь"*

Нефритовые плечи Суламифи
И поступь полудетская шагов.
Ах, ветер обжигающий утихни!
Там тень ее мелькает среди садов.

В ночи библейской тонет Иудея.
Зной источает зрелый виноград.
От девочки убитой, холодея,
Отвел наемник потрясенный взгляд.

Только царь мог оценить такое!
Ибо знал, что не купить ничем
Драгоценность, что зовут любовью,
Для которой жертвуется всем.

НОЧЬ ВОСТОКА

У каждого есть миг святой в судьбе.
Неизгладима память о тебе.
В огне свечи сгорает мотылек!
С тобой Восток, что от меня далек.

А ночь Востока — тайны жгучей дочь.
О как ты был прекрасен в эту ночь!
“Не уходи, постой! — я говорю. —
За этот миг тебя благодарю.
Не уходи! Постой!”
Но ты уходишь прочь.
О как ты был прекрасен в эту ночь!

Березовый мой край — не для тебя.
Спешу туда я, время торопя.
Бежит тропинка за тобою вслед.
С тобой Восток!
И это твой ответ.

ДВЕ МАТЕРИ

Который месяц вести не приходит
Из края, где безумствует война.
И мать солдата места не находит,
В путь долгий отправляется она.

Послал Господь ей женщину навстречу,
Она являлась матерью врага.
Седые пряди падали на плечи,
В словах была такая же тоска.

Две матери предстали пред войною,
Взмолились, чтоб вернула сыновей,
И было то услышано страною!
Но до сих пор не понято моей...

* * *

Из дальних странствий возвратясь,
Земле родимой поклонясь,
Я возрождаюсь птицей Сирин.
А новоявленный мой князь,
Любовью тайной вдохновясь,
Снует по маленькой квартире.

И отступает зарубежье,
И поманило далью вешней
В стихах стихия за моря,
Где Котюкова мир-насмешник,
Бояринова кабинет-скворешник,
Вместивший многих и... меня.

Поют поэты всех окрасов
О том, что плохо и прекрасно,
Вновь сотрясая ЦДЛ.
Я зарубежье славлю страстно,
Отечество же — ежечасно,
Но в этом каждый преуспел!

Уходит день под звезды ночи,
А надо мной сияют очи,
И освещают долгий путь.
И возникает между строчек,
Как будто бы и между прочим:
“Сюда дорогу, княже, не забудь...”

МОНОЛОГ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Вновь воюет страна
И, пойми, это вовсе не здорово!
Здесь ведь гибнут опять,
Кровью алою красится снег.
Слышишь выстрелы,

друг — мой враг,

Может, ты это целишься в голову
На нейтральной когда-то
И нужной нам всем полосе?

Здесь мой прадед убит,
А сестра, как сестра милосердия,
Заступила, как я,
И душа моя плачет безгрешная.
Рождена, как и ты,

друг — мой враг,

Не для смерти я,
Как граница — вдова
Меж воюющих сил безутешная.

Если что-то случится...
Но об этом я вовсе не думаю.
Здесь война, а не мир,
И нейтральным не будет Восток.
Либералы сдают нас,
Продавая судьбу нашу юную,
А мне хочется жить,
Как подснежнику у сапог.

ВНУЧКЕ АНАСТАСИИ

В доме колдует звоночек,
Топают детские ножки
С именем Анастасия
Солнечной мамы Светланы.
В доме вновь до полуночи
Звякают чашки и ложки,
Девочка Анастасия
Плещется радостно в ванне.

В доме вверх дном все игрушки,
Бабушка с дедушкой стонут...
Это они понарошку,
Чтоб посмеялась их внучка.
Свалены в кучу подушки,
Хлопают глазаньки сонно.
К маме Анастасия
Тянет усталые ручки.

Трамваи, сменив расписание,
Свой сняв с колес скороходы,
Спаленку Анастасии
Бесшумно в ночи объезжают.
Угомонилось создание
Дивной, могучей природы...
Склонилась над нею Россия
И колыбельку качает.

* * *

Будучи с кем-то вдвоем,
Думала не о нем,
Выбранном для интереса.
Она играла с огнем,
И кто-то ее зарезал.

Там, где брызнула кровь,
Каждый день вновь и вновь
Кто-то цветы клал под вечер.
Он-то верил в любовь
И в долгожданную встречу.

* * *

Прерывается путь...
Я, узнав эту правду, заплачу.
Ты прости, Боже мой,
Но, наверное, что-то я значу.

Замки строя в мечтах,
Создавая подобие духа,
Я искала свой путь
Там, где он обрывается глухо.

Зависая над бездной,
Облаками плывущей над адом,
Вновь вперяла я в небо
На звезды отчаянным взглядом.

И тогда, как игла,
Лучик мне посылался ответно.
И, пронзенная им,
Возвращалась я к жизни заветной.

Преломившись во мне,
Свет твой, Боже, прекрасный и ясный,
Отражался на ликах,
А, значит,
Был путь не напрасным.

* * *

Моя религия — любовь
Завещана от Бога.
Когда вскипает в жилах кровь,
Взлетает мысль высоко.

А в ней, как в призме, бытие
Нехитрое поэта.
То бишь житье, мой друг, мое
Во имя звезд и света.

Не дай, Господь, чтобы иссяк
Источник жизни вечной,
Окутал землю тяжкий мрак,
Как смерть, бесчеловечный.

Моя религия — любовь,
Что сохраняет слово,
Уводит за собою вновь,
Тревожит сердце снова.

Который год и сотни лет
Она неистребима!
Несут в себе ее завет
Любимые любимым.

* * *

В этой бедняцкой квартире
Был вымысел мой так богат!
Песчинкой серебряной в мире
Годы мои пролетят.

Но золото дел моих бранных
Бросит судьба на весы
И остановит мгновенно
В память об этом часы.

Плачу, смеюсь и танцую
Под звездною крышей своей.
Вам я желаю такую
Бедность — богаче моей.

В этой квартире гуляют
Сказка и быль, и мечта.
Годы мои это знают,
Тайну они охраняют,
Мои запечатав уста.

Но, мыслью рожденное, слово
Упрямо скользит под пером.
Вымыслов звонких основа
Рождает и солнце, и гром!

ДЕВОЧКА В БЕЛОМ

Тают снежинки на длинных ресницах,
Ваше Величество, девочка в белом.
Миг этот дивный не повторится,
Может быть, только однажды приснится,
Ваше Величество, девочка в белом.

Все мы когда-то вышли из детства!
Ваше Величество, не позабыть мне
Глазки разбойные, смех без кокетства,
Юное Ваше великолепство,
Ваше Величество, не позабыть мне...

ВСТРЕЧА

Из дальних, поднебесных стран
Явился в дом родной земли
Мытарь по имени Иван,
Куда надежды привели.

К нему навстречу вышла та,
Которой бредил столько лет!
Была проста ее еда,
А очи источали свет.

— Ты ноги мне омой, сестра!
Ты душу мне согрей, сестра!
И, напоив вином любви,
Ласкай мне сердце до утра.

— По крови ты мне — кровный брат.
Роднее нет тебя, мой брат.
Во имя жизни семена
Другую жизнь пускай родят.

Погасла шурая луна.
Замолк залетный соловей.
Свечой в ночи была жена
И светом — лучший из мужей.

ЁЛКИ ПАЛКИ

По краям земли родной
Только елки-палки.
Посредине мы с тобой,
Да летают галки.
Посредине домик наш —
Голубая крыша.
На полянке мы сидим,
От любви чуть дышим.

Только знай, мой дорогой,
Возраст не помеха.
А отправишься к другой,
Я умру от смеха.
Потому что возле нас
Только елки-палки!
Посредине мы с тобой,
Да летают галки.

Мир причудлив, как обман,
Радуга цветная.
Чем закончится роман,
Ты и я -- не знаем.
Потому что возле нас
Только елки-палки.
Посредине мы с тобой,
Да летают галки.

* * *

В день похорон Петра Проскурина

Наступило время жатвы,
Смертной жатвы наступило.
Смотрит в окна юно завтра
В день октябрьский, унылый.

Шепчут старческие губы
Про печальные исходы
Да про тех, что дали “дуба”,
Пересчитывают годы.

Каждый миг, как луч, ловите,
Радуйтесь, что вы живете.
Вновь друзей на пир зовите,
Тех, кто с вами и кто — против.
Потому что за чертою
Смертною одно вам будет —
Гроб, засыпанный землею,
И покой средь вечных буден.

Обновляется природа.
Желтый лист слетает с ивы.
Но рождается вновь кто-то,
Бог дарует жизни всходы
В этот день неприхотливый.

* * *

Горит зарею под луной
В ночи окно...
Из чаши будем пить одной
С тобой вино.
Губами будем вновь ловить
Звезду со дна.
Друг друга будем мы любить,
Не зная сна.

Ах, это сладкое вино
Мужей и жен!
Оно не каждому дано,
А кто влюблен.
Горячая вскипает кровь,
Как от вина.
За нашу верную любовь
Я пью до дна!..

ДОЧЬ ДОН ЖУАНА

Гром у сердца прогремит,
Новый милый загрузит,
Старый боли не простит,
Сделав гордый вид.
А сама я, как ладья,
Среди речки забытья
Буду уводить тебя
В дальние моря.
Чтоб ты берег мой забыл,
Где однажды полюбил.
Как матрос, беспечным был,
Бурями бы жил.
Чтоб однажды повстречал
Дон Жуана ты причал,
И ему бы прокричал
Все, что обещал...
Знай, не первый приплывешь,
В кулаке сжимая нож,
Но увидишь и поймешь,
Как отец хорош.
Что достойное дитя
Создал он, как бы шутя,
Но природа, ему мстя,
Привела тебя.

* * *

Под созвездие Весы ставила судьба весы.
Ставила судьба весы, приговаривала:
“Дам тебе я и ума, дам тебе я и красы.
Никого так щедро я не одаривала!”
Бросила на те весы ум с красою, чтоб понять,
Что серединою назвать негаданной?
И осталася сама между них двоих стоять,
Как ответ на тот вопрос, мною заданный.

* * *

Вот и все... Отболела душа,
Как и должно в любви отболеть.
И зима, подойдя не спеша,
Приказала цветам умереть!

Город пуст и безрадостно тих.
Гуллок шаг и ленивы слова.
Птиц не слышно веселых твоих,
И земля, как могила, мертва.

Ненадолго весну ты принес.
Самому не хватало тепла.
Удивительно крепкий мороз!
А вчера вся природа цвела.

Эту смену зову новизной.
Ей люблюсь опять, чуть дыша.
Ты оставь это право за мной.
И прости. Отболела душа.

* * *

Не гневи меня, мой милый!
Я с тобою до могилы,
Я с тобою до веселья,
Я с тобою до тоски.
Что на сердце я носила, —
Им тебя не удивила,
И сама я позабыла
В чем же были мы близки.
Но, усевшись над рекою,
Я люблюсь не собою,
Отраженье в водах светлых
Не мое, а вновь твое.
Что же сделал ты со мною
Соловьиною весною?
Почему смятенно голос
С твоих слов опять поет?
Отпусти мою ты душу,
Песню до конца дослушав,
Сотворив земное чудо,
Милосердным будь ко мне.
Разве птице в небе плохо?
Проводивши меня вздохом,
Знай, что я — беспечный странник,
Видевший тебя во сне.

* * *

Как будто искрой кто обжег
Грудь тайно изнутри:
Пожаром вспыхнул уголек,
Шепнув душе: "Гори."
И город стольный полыхнул
На мир веселый взгляд,
И в сердце зимнее вдохнул
Весенний аромат.
И поманило вдруг в полет,
И осветило путь.
Растаял давней грусти лед,
И в этом встречи суть.
И в этом праздник золотой,
Когда цветет простор!
Так всколыхнул души застой
Твой любопытный взор.

СНЕЖНАЯ БАБА

Зачем песни долго пою?
Как видно, опять мне не сладко:
Я снова себя без остатка
Забавам зимы отдаю.

Лукава, как баба из снега:
Ни чувств, ни волненья в крови.
И ты хоть зови, не зови —
Нет ныне во мне человека.

Я знаю, настанет весна,
В сиреневый цвет все оденет.
Не будет у бабы ни тени,
И вновь — ни покоя, ни сна.

Конечно, она расплзется,
Теря морковку, глаза...
Но майская грянет гроза!
И сердце мое рассмеется.

Я смертна, обычна, а ты —
Зимы моей долгой причина,
Беспечный и ловкий мужчина,
Любитель весенней воды.

* * *

В одной моей тетрадке
Сто сорок пять стихов,
Смущенье, вздох украдкой,
Пятьсот моих грехов.
Ты спросишь: “Где же совесть?”
Там тоже есть она.
Живу, не беспокоясь:
Со всех сторон видна!

НА ФЛОРЕНТИЙСКОЙ УЛИЦЕ

Не судите ее, так красива она,
Что и этого горя ей хватит до смерти.
Пусть не с вами она, ни в того влюблена,
И судьбою чужой, как перчаткою, вертит.

Но желает душа вольнодумною быть,
И талант этот страшен, когда с красотой.
Хочет даже проказа ее приручить,
И вельможный осел, что и ногтя не стоит.

Но за миг прикоснуться и жизнь под топор!
Даже этого счастья не всякому будет.
А потом, как колдунью, ее на костер,
На позор снова быдло осудит.

Да ведь может случиться — покинет она
Эту землю, где вечен спор бога и черта.
Где среди вечных уродцев одна и видна
Красота, что возносит высоко.

Средь народов, веков, в долгих снах, наяву,
Словно луч ослепительный, снова
Тайной тайны своей растревожив молву,
Золотое ее прорывается слово.

Я стою, онемев, перед ликом ее,
Может, так, как стоял Леонардо да Винчи.
По Флоренции то ли мадонна идет,
То ль Джульетта, то ль Беатриче.

* * *

Все, чему я удивлялась,
Поросло давно быльем.
Лишь навек во мне осталось
Имя горькое твое.
Не напрасно сох богохульник
На исходе того дня:
Ты вошел, как богохульник,
Ниспроверг с небес меня.
Ты вошел, как власть и сила,
Город твой и в нем есть я,
Та, которая просила
Отпустить ее в моря,
Та, которая отринет
Власть и деньги старика,
Та, которая обнимет
На рассвете моряка.
Ты не властен, ты несчастен,
Жить на суше обречен.
С моряком плету я снасти:
Завтра в море поплывем.
Завтра штормом тишь взорвется!
Закипит простор от волн.
Выплывет иль разобьется
Завтра мой веселый челн?

* * *

Крылья стрижей — брови твои,
Губы твои — сотовый мед.
Даже шутя кто к ним прильнет,
Будет сгорать потом от любви.

Губы твои — сотовый мед.
Очи твои, как васильки.
А седина, приморозив виски,
Молодости лица не крадет.

Очи твои, как васильки...
Смял ты ромашку в беспечной руке.
В каждой прожилке и лепестке
Блещут росинки-слезинки тоски.

Смял ты ромашку в беспечной руке...
Снегом опала поляна цветов.
Кто же там бродит в отчаяньи? Кто?
Не докричаться! А ты вдалеке.

* * *

Ты мне сказал, когда провожал,
Когда на прощание руку мне жал,
Как может сказать самый ласковый друг:
“Тамара, Тамара, не стой на ветру!”

Ах, сколько мгновений с поры той прошло!
Но вспомню и станет на сердце светло.
Замкнула мольба расставанья игру:
“Тамара, Тамара, не стой на ветру!”

А я все стою, принимая, как дар,
И ветра прохладу, и солнечный жар.
Прийди и спаси, разорви черный круг
Словами: “Тамара, не стой на ветру!”

* * *

Помаячил у окна и ладно.
Я увидела тебя и рада.
Пусть змеилась на губах улыбка.
Говорят, любил меня не шибко.

Мне до полночи писать повесть
О тебе и обо мне то есть.
Хлещет осень по лицу дождями.
Видно, разными идти путями.

А в вагоне все огнем пылает.
На щеке моей слезинка тает.
Отрицательный герой. Точка.
Положительно звенит строчка.

* * *

В этом крае, мне известно,
Мед и брага есть.
Но они, скажу вам честно,
Не про вашу честь...
Не про вашу и другую —
Просто — про мою.
Отмилую, отликую,
Но не отлюблю.
В соболях утонут ноги,
А окликнет друг,
Все забудутся дороги
Под напевы вьюг.
На заре мы браги выпьем,
Мед велим подать,
И за то, с чем сердцем свыклись,
Выйдем умирать!..

* * *

Игра слов — камни самоцветные.
О сколько я теряла их!
Как будто мама многодетная
На войнах сыновей своих.
И цвет их, радужный для глаза,
То весел был, то был угрюм.
За что же ты меня так сразу
От солнца да в холодный трюм?

За что же ты? Разрушен замок
И сорван королевский плащ!
Ошеломленными глазами
Гляжу в глаза.
Душа, не плачь!..

* * *

Война о себе нам оставила даты,
Парады и праздников дни...
Но снова уходят, не возвращаясь, солдаты,
А, значит, погибли они.

Трещат и смещаются меридианы,
Морщины на лбу у морей.
И снова не спят у границ своих страны,
Тревожась за жизнь сыновей.

Но пусть, словно вестник случившейся драмы,
Ударит всемирный набат,
И встанут, как призраки, грустные мамы,
Невесты и вдовы солдат.

О сколько же можно столетий в тревоге
Встречать свое утро, скорбя?
Куда ты уходишь по белой дороге,
Пилотку в руках теребя?
И встречу ль я завтра тебя?

* * *

А он Жар-птицу
С глазами газели
Руками грузчика
За шею белую!..
О как ее щеки
Гневно горели,
Руки метались
Обезумелые.

А он Жар-птицу
Ловил, задыхаясь,
Плакал и пил,
И смеялся над этим.
И предавал, словно враг,
Отрекаясь,
И возвращался...
Не мог жить без света.

* * *

Нервно дергает тик,
Опаленное горечью, веко.
Начинается ложь
Там, где правды щемится струна.
Только б быть до конца,
Несмотря ни на что, человеком!
Но зачем так прекрасны
Знойный сад, этот день и весна?

Не пушу уже в мир,
Что был создан, как замки поэта.
Не окликну и вслед,
Если гаснуть начнет дивный свет.
Все замолкло во мне.
И на память наложено "вето".
Так молчит космодром,
Закусив сигареты ракет.

Ошалелое сердце
Не может смириться с утратой.
А садовник бездумно,
Цветы обрезая, поет.
Смотрят слепо глаза.
Знать, для них этот сад не утрата.
Только грянет рассвет,
Как прозренье, несчастный, твое!

Запуржило тропу
Лепестками цветущей сирени.
Закружило тебя
Этой звонкой, щемящей весной.
Но садовник был прав:
Ведь наградой за труд и терпенье
Был ему этот сад,
Этот день, этот зной.

* * *

Опадаю вновь стихами,
Как деревья листьями.
Расстаюсь, как с женихами,
Радостно и искренне.
Гляну вслед им, онемею,
Закручюсь снова я.
Но друзей еще сумею
Одарить обновой.
И поэтому по следу,
Что в пример всем ставится,
Не поеду, не поеду:
Свой мне больше нравится.

* * *

Словно змею раскаленную в небо взметнуло!
И потрясенно живое в природе вздохнуло.
Грянуло гулом,
Ветром подуло
С моря.
Это был голос великих античных трагедий.
Гимн Человечеству пели, у ног стоя, дети.
Дети столетий —
Само долголетие
Жизни.
И никому не прервать векового
Вселенной течения.
Звезды взрывались и разбивались мгновения.

Люди и тени
Гаснули в пене
У моря.
Не объяснили пока мудрецы нам тайну рождения
Глупости смертных, мудрости книжные гениев,
Душ наших рвение,
Стихосложение
Жизни.
Снится пещера вся в шкурах и закоптелые стены.
Свято хранят в себе тайны веков наши гены
Ночно и денно.

* * *

Из ночи и дня выплывает лицо,
И я к нему слепо иду.
Ах, имя твое, как будто кольцо
Серебряное во рту.
Вновь на губах застывают слова.
Как птицы в метель на ветру,
Словно жемчужные кружева,
Что дарит зима по утру.
Причудливость их — не сердца каприз,
А прихоть лихая его.
Камнем не так ли срываются вниз,
Чтоб боль разметать надо рвом.
Чтоб разорвать паутинную сеть,
Чтоб вскрикнули чьи-то глаза!
И шапку потом невидимку надеть,
Чтоб скрыть, что седая коса.

* * *

С тобой расстанусь я, но не расстанусь с ней,
Но не расстанусь с ней, с ней — Родиной моей.
Ты — голос в ней ручья, ты — трели соловья,
Ты — жизнь моя и песня, погибель ты моя.

С тобой расстанусь я, а, может быть, и нет,
Но Русь всегда была одна на белый свет.
Одна, но в ней есть ты, которому сродни
Простор и широта: попробуй обними.

С тобой не встречусь я, но встречусь все равно
С тем домом, где горит призывное окно.
Ты — буря и метель, и ты — морской прибой,
Рябина на бугре и садик за избой.

Да как же ты сумел весь мир в себя вместить?
Да как же ты посмел вместить и позабыть,
Что нет без крыш домов, что нет любви без слез,
И что не знаю я России без берез.

* * *

Уйми печаль мою, лукавая метелица.
Напой слова, что я не слышала вовек.
И пусть поземка по душе и сердцу стелется,
И пусть следы твои позаметают снег.
Покой верни в ночи, тоскливая бессонница.
Заполонившая весь мир, зима, уймись.
Ведь где-то скачет вновь весны зеленой конница,
Чтоб снег сошел, ростки к лучам рвались.

СОН

Лепестки ромашек
Ветер обрывает.
Веет их по полю,
Словно пух, пускает.
Как снежинки, кружит
Белоснежной стаей.
Ветер что-то странное
Для меня гадает.
Будто из-за моря
Выплывают струги.
Паруса прогнулись
Под дыханьем вьюги.
Будто запуржило
Белый свет зимою.
Небо индевелое
Виснет надо мною.
Стоны раздаются,
Свищут, блещут стрелы.
Конники несутся
По равнине белой.
Паруса оборваны,
Милый умирает.
Незнакомо, тягостно,
В голос причитаю.
Больно, душно сердцу,
Жизнь остановилась.
Слава Богу, это
Только лишь приснилось!..

* * *

Ты есть и ты будешь помимо меня:
Флоренция — тайный свидетель,
Когда из сияния южного дня
Являлся, как дож, прям и светел.

О нет, не растопчут твой образ века,
Как Медичи не позабыты,
Запечатлела упрямо строка
То, что под сердцем сокрыто.

Флоренция — изыск далеких искусств
Искусство тоски понимает,
Когда с опечаленных, горестных уст
Имя, как выдох, слетает.

Когда по древнейшим и звучным камням
Тенью за мной неотступной
Невидимо тень проходила твоя
По площадям многолюдным.

Я поняла, что не скрыться вдали,
Что бы со мной не случилось!
Там, где ступал ты, сады зацвели,
Чтобы я в них заблудилась.

* * *

Есть слово “нежность”, есть “мечта”,
И слово есть “нельзя”.
Нельзя, покуда маята
Волнует вновь меня.
Нельзя, покуда не пройдет
Вся горечь, боль-полюнь.
Нельзя, пока багров восход,
На сердце мгла и стынь.
Нельзя, покуда не взойдет
На кладбище трава.
Нельзя... Прощенья сердце ждет,
Но в нем любовь мертва.

ЧУДАКИ

Они герои не праздные,
Средь неженек — груболицые.
Но им посвящал свои строки
Такой же романтик — Грин.
Сбежавших за ними мальчишек
Возвращала домой милиция,
Потому что мальчишки любили
Этих чудных мужчин.
Им целовали руки,
Спаленные зноем, травы.
Женщины мудро прощали
Варварский их загар.
А время кистями Ван-Гога
Портреты их рисовало
И выпускало героями
На самый простой бульвар.
Дерзко ступая по звездам,
Шли чудаки по планете.
А вслед им фыркали совы —
Любители темноты.
Но открывали им тайны
Покрытые мраком столетья,
Мир, удивленный их знанием,
Сыпал к ногам их цветы!

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Рождена изысканной мечтою,
Как душа прекрасная, светла,
Венчана главою золотою,
Благостна без зависти и зла.
Мудрая, как вера в единение
Человека, Бога и земли.
И стоим пред нею в удивлении:
Как такое там, тогда могли?
Даже дисгармония понятна —
Эллинской гармонии сродни,
Даже вековых наследий пятна
Не хотим увидеть в наши дни.
Сердце защемит, у горла — слезы:
Неподкупной чистоты хотим!
Боголюбский, сумрачный, раскосый,
Встанет тенью грозной на пути.
Будто молвит: Что ж, создайте сами!
Век двадцатый — ваше торжество.
Точно знаем, сами-то с усами,
Только с прошлым прервано родство.

* * *

Вечер занавески закрывает наглухо.
Шепоты ночные ветер заглушит.
Дай, скажу два слова я волшебных на ухо,
Чтобы враз согрелись грешных две души.
Ныне припорошены снегом тропы белые,
Волокном спускается по ветвям туман.
Что же натворили мы? Что же мы наделали?
Что ни слово — выдумка, поцелуй — обман.
Кружева из инея в сердце повешены.
Жизнь моя, нас выдадут светлые глаза!
Пляшут тени жаркие по губам насмешливым,
Окликают гневные чьи-то голоса.
Нужно подчиниться им: это так положено.
Что ж смятенно тянутся руки за тобой?
Все цветы весенние в ноги тебе брошены,
А другим мы отданы навсегда судьбой.
Я тебя придумала этой ночью властною,
Зелья приворотного только не дала.
Уходи же утренней, самой чудной сказкою,
Той, что сердце огненной лаской обожгла.
Лебедей вслед выпущу белоснежной стаею,
Не стреляй единственной птицы среди них,
Той, что над тобою вдруг закружит, пролетая,
Той, что жизнь положит сразу за двоих.

ПСИХЕЯ

*Психея (душа) у древних эллинов
изображалась в виде ласточки*

Я не знаю, что он скажет,
Как согреется от стужи!
Я не знаю, как развяжет
Узел, нам теперь не нужный.
Я не знаю, с чем сравнится
Облик твой, мечтой навеян,
Ласточка — речная птица,
Нареченная Психеей.
Над обрывом свои гнезда
Каждым летом строишь тайно.
И срываешься в морозы
За лучом весны случайным.
Я не знаю, как случилось,
Что сгораю, холодея.
Только знаю — простудилась
Ласточка — моя Психея.
Только знаю, что обрывы
Учат скорости и взлету.
Только знаю — без отрыва
От земли не знать полета!

СТАРАЯ СКАЗКА

А замок колдуна высок и страшен.
Невесело за праздничным столом.
Наполнены медовой брагой чаши,
Заморским терпкопенистым вином.
Но плачет за стеною Лебедь-птица,
Бросая перья в ветер за окно,
И выходить из горницы боится,
А выходить придется все-равно.
Нахохлился жених — носатый коршун...
Ах, гости, не спешите пиво пить!
Ведь это происходит не нарошно:
Пора, наверно, вам тревогу бить!
Меч-кладенец отдать царю Ивану
И отвести к невесте под венец.
Зачем вы все не видите обмана?
Ведь в сказке не такой совсем конец.

ПЕСНЯ О МАТЕРИ

Не плачь надо мной в час гнетущий, моя Евдокия!
От сломанных крыльев полета сегодня не жди.
Сама отправляла меня ты в дороги такие:
Сулила метели и каторжный зной, и дожди.

В скитаньях узнала тоску по родному порогу.
Вдали оценила я окон завьюженных свет.
Гряди, Евдокия! Дала ты мне щедро и много —
Высокую участь и небо, раскрытое грому побед.

Всегда я спешила за молнией: так ты велела.
Узнай, Евдокия, и боль от потерь и обид.
О мать моя, как лицо твое смертное бело!
И свечка опять в изголовье звездой горит.

Доносит ночная тревога ко мне твои бденья.
Твоя беспредельная вера поднимет опять.
И встану я в рост!.. Спасибо тебе за терпенье,
Любовь-Евдокия, моя златовласая мать.

НЕЗАЩИЩЁННОСТЬ

Не бойся, об этом никто не узнает:
В том знак иль позор бытия.
На копьях у зла твоего умирает
Незащищенность моя.

Кто из нас выше? Кто из нас ниже?
Тверже, богаче, сильней?
Все давно знаю, все я предвижу,
И становлюсь веселей.

Милые, сядем по-доброму рядом
Мы за единым столом.
Ешьте, что надо, берите, что надо —
Станемте все заодно.

Душевно неразвитый добрым не будет,
Что толку корить его зря.
И защищает тебя, а не судит
Незащищенность моя!..

* * *

Мы ели халву и бананы,
И пили коричневый чай,
И речи вели как-то странно,
Вопрос падал с уст невзначай.

Измученный мозг, остывая,
Уступчиво вывел одно,
Что чай золотой допивая,
Мы зрим непреложное — дно.

И в том завершение жизни,
Что, вышив все годы до дна,
На белой, оплаканной тризне
Чаинкою — встреча одна.

Где ели халву и бананы,
И пили коричневый чай...
И день был отзывчиво странным,
И выпавшим нам невзначай.

* * *

Быть богатым — не проблема,
Да душевность мне дороже.
Только птицы — это тема,
Что меня всегда тревожит.
В сто одежд рядиться можно —
Зло лица за них не скроет.
Не обманет птица ложью,
Потому ее и ловят.
Протяну ладони птахе,
Гордо глянет, отвернется.
Не подумает о страхе,
Надо мной в душе смеется.
Птицеловов презираю:
Лучше видеть птиц на ветке.
И, как слово, выпускаю
Птиц из клетки, птиц из клетки.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

И предстал!.. На челе его — ревность
И от горечи очи темны.

— Что угодно?

— Увести королеву,
Королеву из чудной страны.

Словно ветка цветущей сирени
И, как майская роза, свежа,
Королева качнулась из тени
И застыла вдали, чуть дыша.

— Уводи. Я тебе разрешаю.

Уходи! Проживу и одна.

За подругу твою не решаю...

— Если б знала, как любит она!

Королева качнулась пугливо.
Помахала из тени платком.
И потупилась рядом стыдливо
Со своим и моим женихом.

И стояли они, как на плахе,
И боялись в глаза мне глядеть.
К ним палач шел в багряной рубахе,
Чтоб мне завтра ни есть и не пить.

— До свиданья, царевич неверный!

— погоди. Я всего не сказал.

— Что угодно?

— Увести королеву,

Чтоб поверить в свои чудеса.

— Но за чудо порой платят жизнью!

— Я готов! Прикажи и умру.

Ты ж спляши на моей горькой тризне,

И меня позабудь поутру.

В нашу честь грянул хор вдруг напевно

Надо мной, над тобой, над судьбой...

— Что угодно?

— Увести королеву —

И тебя за собой, за собой.

* * *

Ах, что с тобой, хозяйюшка, хозяйюшка моя?
Вчера еще ты нежила, баюкала меня.
Вчера еще мне в косыньки вплетала маков цвет,
А ныне громом грянуло над ухом слово: “Нет!”
Вчера плясали зайчики по горнице моей,
А ныне нет мрачней ее, нет горше и темней.
Сиренью все завалено, сиренево в глазах:
Цвет скорби, цвет отчаянья и вся земля в слезах.
Ах, что с тобой, хозяйюшка души моей, любовь?
С чего ты закручинилась, глядишь, насупив бровь?
Уходит ненаглядная, ни слова мне в ответ.
В снегах цветы и в инее: не мил мне белый свет.
А я еще пытаюсь согреть их и спасти...
Но поздно, хоть покаянно ты шепчешь мне: “Прости...”

* * *

По сибирских снегам разгулялись ветра.
Словно лисы, бесшумны поземки.
В моем сердце капли звенят до утра,
Жизнь вплетая в напев свой негромкий.

Среди темной ночи или ясного дня
Путь отныне тобою означен.
Ты не выдай меня, ты не выдай меня,
Одарившая небом, удача!

По родной стороне ходит буйно метель,
Расплясалась в угрюмом разгуле.
Прикорни у плеча, раненый журавель,
Чтоб с тобой мои боли заснули.

Среди горьких тревог, среди снегов и огня
Кто-то мимо далекий проскачет...
Ты не выдай меня, ты не выдай меня,
Одарившая небом, удача!

* * *

Там поставлены, знаю, капканы
На меня — это знаешь и ты.
Но легко отпускаешь в урманы,
Будто вовсе не чуешь беды.

Вслед глядишь и как будто вздыхаешь,
Но не в силах ничем мне помочь,
Ты калитку за мной закрываешь,
Окликая любимую дочь.

Гасит лес золотистые блики.
Тень крадется... Я к тайне близка.
Вон уж слышатся дальние клики
Птиц ночных над сияньем цветка.

А урманы приманок немало
Припасали для нас, простаков.
Я цветок этот встретить мечтала,
И сорвать для тебя вот такой.

И, забыв про опасность, бросаюсь
Прямо в солнце слепящего дня!
И в капканы легко попадаюсь,
Как легко отпустил ты меня.

* * *

Еще не скошена трава,
Еще цветы у елок.
Но тяжелеет голова
От думы невеселой.
Я на пиру вчера была,
Ключом там радость била!
Я в меру ела и пила —
Неслышно уходила.
Еще не созревает рожь
И клен необлетельный,
А ты ко мне уж не придешь
По тропке в поле белой.
На свадьбе тесно от друзей,
Жена — цветок багряный.
Ах, что же завтра будет с ней,
С красавицей Татьяной?
Еще токуют глухари,
Но сердцу в лад не биться.
Еще успеем до зари
С тобой, любовь, проститься.

СОЛОВЕЙ

1.

Все было чудом: румяный закат
И облака, что белей молока,
Сад, что под солнцем весенним расцвел,
И монотонное пение пчел,
Трель соловья, что пронзила до слез
Сердце мое, как дыханьем — мороз.
А я еще в речке ловила звезду
Себе на беду, тебе на беду,
А соловей уже плакал в саду.

2.

Горячий лоб мой остуди, зима!
И не своди безжалостно с ума.
Недаром в поле клонит дерева,
Недаром стыннут на губах слова,
Недаром кутают меня в доху
На траурном, как будто ночь, меху...
В последний раз хлеб-соль с тобой делю,
Поводья на лету из рук ловлю,
Смеюсь и плачу, и не верю я,
Что нет уже на свете соловья!
Ой, бойся этой тройки, человек,
Недаром крутится змеею снег,
Заиндевели скорбные глаза,
И падает из-под платка коса.
Недаром всхлипнули колокола,
И мама потрясенно замерла.
Коней мне подарили варнаки:
Еще не поздно, встань с саней, беги!
Была б твоя — да только не твоя...
Любила, слышь, я песни соловья.

ПРИЧЕТ

Мне кажется, сердце мое разорвется
При встрече с тобой.
При имени схожем пугливо забьется
Глухою тоской.
Какие связали нас люди и версты
По праву чудес?
Я думала — просто, а вовсе не просто:
Так валится лес.
Не просто, как в прорубь от жара жаровен,
От пыла и рук.
Горячие губы и крыльями брови,
Огонь среди выюг.
Откуда во мне эти силы и речи:
Проклятия им!
Но только бы эти покатые плечи
Средь весен и зим.
Но только бы сборы учебные были
На мирных полях.
И люди одной с нами радостью жили
Средь белого дня.
Но только б подснежник веселый рождался
От слова любви.
Но только б наш узел не развязался,
Подвластный двоим.
Но только бы солнце и полночь глухая —
За нас и для нас.
Но только б биение крови, стихая,
Украсило час.

Как горько, как больно, как сладко и звонко
В апреле мне жить!
И чувство держать паутинкою тонкой,
И слабою слыть.
Тревожно заглядывать в лица прохожих,
Птиц в небо пускать.
И, стиснувши зубы, до боли и дрожи
Тебя вспоминать.
Поверить в начало и не надыхаться
Парами земли,
Которой века по весне возрождаться
Вблизи и вдали.
Которой нести нашу встречу по свету,
А время ей — миг.
Зима или осень, весна или лето,
Молчанье иль крик.
На грани возможного трепетно бьется
Зеленый мой луч.
Беззвучно небесная радость смеется
Над нами без туч.
Над нами, которым доступны пределы
И мук, и разлук,
Когда над судьбою не властвует тело,
А властвует дух.

НАГОВОР

*Раствори тебя, кровь моя.
Сбереги тебя, плоть моя.
Силы дай тебе, мысль моя.
Опыт дай тебе, жизнь моя.*

Горячо шепчу наговор в ночи,
А на сердце боль, хоть в тоске кричи.
Но иди с добром, уходи легко!
Я свои глаза запахну платком.
Чтоб не помнил ты мой горючий взгляд,
Чтоб не видел слез, что в глазах стоят.
Как темно вокруг от моей беды!
Как цветы мои закрывает дым.
Чтоб вернулся ты, кровный мой, назад,
По твоим путям все леса горят.

ЗАКЛИНАНИЕ

В час горький прозренья,
В день алый рожденья,
В миг ясный восхода зари,
Ты — вдохновенье,
Ты — нетерпение,
Воскреснув из пепла, умри!

Тебя заклинаю
Бушующим маем,
Ни к месту прийдя в декабре,
Умри и воскресни,
Как вздох вольной песни,
Как взлет первых птиц на заре.

Ты, легкая нравом,
Даю тебе право —
Богинею Живы: “Живи!”
Во имя столетий,
Где в будущем дети
Рождались бы вновь от любви!

* * *

В тот миг, когда снег
Закружится над городом светлый,
И выйдет фонарщик
Зажечь фонари у домов,
Я петь буду вновь
Для тебя одного до рассвета,
В тот миг, когда в доме моем —
Никого, никого.

В тот миг потешляет
У Черного моря улыбка,
И розы распустит Восток
Для тебя и меня,

Метельная заметь
За окнами выплывет зыбко
И тут же растает
Под нежную ласку огня.

В тот миг прилетит под окно мое
Белая птица,
В серебряном инее
Крылья распушит свои,
И радужно будет
Тебе до зари она сниться
Под песни мои,
Под сказанья и были мои.

Но бедный фонарщик
Загасит фонарь, как лучину,
Поземка надолго
Следы за тобой заметет,
А белая птица
Укроется в книге старинной,
И только у сердца
Старинная боль не пройдет.

* * *

Памяти Георгия Свиридова

Вокруг искрилось все и пело,
Под нами палубу качало.
А пианистка вдохновенно
Для нас Свиридова играла
Свирель ли в слове опочила
И этой музыкаю стала,
Свиридова в себя влюбила,
Чтоб в нас она не умирала.
Поет ли вьюга в час вечерний,
Гуляет ли в сердцах поземка,
Но среди звезд, цветов и терний
Свирель Свиридова вновь звонко
Скрипичною струной, игрою ль
Возводит имя в знак эпохи
И отступает время злое
Восторженно в последнем вздохе,
Пред этим шквалом вдохновенным
Тепла и света, нежной муки.
И понимаешь — жизнь мгновенна,
Но вечны только эти звуки.

* * *

К нам отец не вернулся с войны.
Но не сгублен он пулею шалой.
Он в то время ушел от жены,
И как трудно нам было, не знал он.
Как порой не хватало еды,
И отцовского слова, и рук нам.
Как от жмыха сводила нам рты, —
Мы об этом при встрече — ни звука.
А сейчас он седой, как снега.
Обязательно спросит: “Как мама?
Она с вами не очень строга?”
Но о маме молчим мы упрямо.
Он не раз смотрел смерти в лицо:
На груди его блещут награды.
Он был мужественным бойцом!
Нам другого отца и не надо б.
Только сердце от боли замрет
И оттаит пред ним виновато.
Но отца в нем не признает,
Уважая героя-солдата.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Посвящается А.А. Михайловой

Где-то там, среди щетинистых сугробов
И деревьев, богатырского сложенья,
Был мой голос неуверен, тих и робок,
Поддавался всем ученьям и внушеньям.
В нашей школе, самой маленькой в районе,
Колдовала чаровница с добрым взглядом.
За поскотиною ржали тихо кони,
Отрывая ребятишек от тетрадок.
Говорила: “Эти кони для царевен!”
Говорила: “Мои милые Иваны,
Будет время, разлетитесь из деревни
По селеньям, городам, заморским странам.”
И права была в пророчествах, прогнозах:
Уходили, уезжали, улетали
Твои девочки и мальчики курносые,
Но задачи жизни правильно решали.
Если встретится соклассник ненароком,
О тебе спрошу с грустинкою: “Что с нею?”
И покажется рассказ твоим уроком,
И на сердце станет проще и яснее.
Помню, помню от морщинок и до речи
Строгой, правильной и честной до предела.
Знай, на все твои вопросы я отвечу
Во весь голос, как когда-то ты хотела.
Знай, премудрая искательница истин,
Знай, садовница диковинного сада,
Семена сначала дали в сердце листья,
А теперь плоды. Они тебе награда.

ИЗ ЦИКЛА “ДЫХАНИЕ КОСМОСА”

Еще сопла ракеты не знали огня
И не никли сожженные травы.
А когда мы во сне забывали свет дня,
По ночам отходили составы.

Прилетали министр и конструктор не раз,
И менялись расчеты и схемы.
И просили варить повнимательней нас,
И глядели загадочно-немо.

Тайна то, что не знаешь, но мы усекли
Нужность нашего дела и даже
Остаться и после работы смогли:
Понимали — быстрее! Это важно.

Ведь давно повелось на великой Руси
Делать тихо разумное дело.
Этим был среди народов народ наш красив!
Ну а сделал — гуляй себе смело.

Вся планета справляла наш праздник потом,
Ибо не было в “тайне” изъянов.
Мы молчим до поры, нас не знает никто,
Помяните и нас, безымянных.

Помяните и сына хорошей земли,
Его имя — “Гагарин” — прославят.
А за нами — космические корабли!
Разве памятник памяти ставят?

БЕРДЮГИНО

Тайга плыла в окошке, прохладною маня.
Вез тракторист чумазый за “просто так” меня.
Он говорил: “В Бердюгине Бердюгины живут.
А ты, талинка квелая, не любишь, видно, труд.
В деревне нашей бабы, как бочки, широки.
Кровь с молоком, сажень в плечах, чалдоны-мужики.”
И вот деревня древняя явилась из-за согр.
И облик ее дальний был радостен и добр.
Была она, как ласточка, в ладонях у тайги.
Тропинки, словно косы, сбегали до Уньги.
Навстречу тетка Дина неслась, как пышный сноп.
С налету, с повороту меня в объятья хоп!
Узнала родословную я всей моей родни:
В Бердюгине Бердюгины — куда перстом не ткни.
Здесь речи рассудительны и метки в них слова,
Бердюгиным Бердюгино — столица, как Москва.
В домах полы в дорожках, на лавочках — цветы.
Расскажут вам хозяева про все свои мечты.
От простодушья светлого мне не спалось всю ночь.
Я — правнучка Бердюгиным, а для Сибири — дочь.
Всходили, как созвездия, по всей моей стране
Деревни, где сегодня тепло и сладко мне.

СИБИРСКАЯ БАНЯ

Из предбанника вошла
Мама, как заря, светла.
Бросив платье в уголок,
Села ступкой на полок.
Кипятку в таз налила,
В печку жару поддала,
И взметнула веник свой
Над косматой головой!
Раскалилась добела,
Разморилась и легла.
Попросила: “Алексей,
Ледяной водой облей!”
В бане сумрак, в бане визг:
Родилась на страх и риск
Дочь — лукавинка, звезда.
Видно, много было льда.

БЕЛЫЙ ГРЕБЕНЬ

Девичьей слезою звездочка на небе.
Ах, зачем я белый обронила гребень!
Шла я без оглядки, с милым не прощаясь,
Светлою весною в город возвращаясь.
Прижимала к сердцу мятый полушалок,
А про белый гребень и не вспоминала.
Но смелели ветры, ветви остывали,
И плоды тугие дети обрывали.

А потом выросли, тех плодов отведав,
И всходил мой гребень месяцем средь веток.
Уводил другую девочку в покосы
И вплетался тайно в смоляные косы.
Значит, моя доля выпала, как жребий.
Ах, зачем я белый обронила гребень!

* * *

Доброты не измерить твоей!
Оценить ее нет даже слов.
И привыкнув идти средь дождей
Путник к солнцу не сразу готов.

Не кляни же смятенье мое,
Что уводит опять от тебя.
Хитроумный и тот не поймет,
Как в душе твои речи горят.

Но сплелись во мне ветры времен,
Песнопенья и гимны людей.
Но взята я пространством в полон,
Как убийством заклятый злодей.

Оглянусь на тебя, ты — мой свет.
А вперед посмотрю — ты прости! —
Мне возврата назад уже нет,
И конца я не вижу пути.

РОМАНС О РОЗЕ

Томленье разлито в цветении сада.
В глазах у садовницы грусть и досада.
Ах, что тебе маки и эти ромашки,
Когда ты родился в счастливой рубашке!
Не слыша весеннего звона ты ходишь,
И хитрые, льстивые речи заводишь.
А я беспечально цветы обрываю,
Пред яркой красой твоей не обмирая.
И прелесть садовую — алую розу,
С шипами торчащими с явной угрозой,
Я рву, исколов свои пальцы до крови,
Во имя чужой, беззаветной любви.
Садовница плачет и жизни не рада,
Что розы не стало у майского сада.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

Давно ждала, и встал он у порога,
Сутуля плечи, шуря дерзкий взгляд.
За ним осталась длинная дорога:
Не знаю, как вернется он назад.

Простит ли мне запальчивую смуту,
Неясное брожение в крови.
Но распрямил свои он плечи круто,
Заговорил, сбиваясь, о любви.

Восточная, изысканная нежность,
И хитрость, сопряженная с умом.
И чистота, которая, как грешность!
И высота, которая, как дно.

Сказавши все, безжалостно уходит,
Ответ держать перед своей страной.
А два окна, где солнышко заходит,
Глазами стыннут за его спиной.

* * *

Ах, это утро не понять,
Но я должна тебе сказать,
Что полумрак таит вода,
Но есть и там своя звезда.

Все ближе, ближе горизонт.
Нависло солнце, словно зонт.
Но в бликах радужных огня
Там есть и лучик для меня.

Гори, гори, счастливый миг!
Его мы делим на двоих.
Да, полумрак таит вода,
Но есть и там своя звезда.

* * *

Цветет жасмин. И, словно дух, витает
Пьянящий аромат среди сумрачных аллей.
Лишь белый цвет мне снег напоминает.
Цветет жасмин — предвестник знойных дней.

Вокруг него вновь розы хороводят,
Слепя глаза нездешней красотой.
Цветет жасмин — мой взгляд его находит,
Его лишь одного — в доступности простой.

Цветет жасмин... И в сердце моем тает
Былых метелей сказочный обман.
Вновь лепесток мне на ладонь слетает.
Цветет жасмин — веселый интриган.

В который раз себя ловлю беспечно
На том, что вновь во мне поет весна.
Цветет жасмин во имя жизни вечной.
Цветет жасмин! И вновь я не одна.

* * *

Мы пронеслись с тобою полями, лугами.
Гривы коней развевались, клубясь, на скаку.
— Знаешь, — сказал ты, — как чудно за теми стогами!
— Милый мой, это ж не здесь, а на том берегу.

Были два берега радугой схвачены, словно подковой.
В речку гляделась черемуха, будто в снегу.
— Знаешь, — сказал ты, — я жив той водой родниковой!
— Милый мой, это ж не здесь, а на том берегу.

Помню, как лебедь влюбленный упруго взлетает.
Миг этот ласковый в сердце своем берегу.
— Знаешь, — сказал ты, — счастливей судьбы не бывает!
— Милый мой, это ж не здесь, а на том берегу.

Только однажды суровые сдвинулись тучи.
Гром громыхнул! И замер мой конь на скаку.
— Что же случилось, скажи мне, скажи мне, не мучай?
— Милая, я не на этом, на том берегу.

* * *

Он ничего мне не говорил —
Только дарил мне цветы.
Он ни о чем меня не молил,
Поскольку рядом был ты.

Он ничего не говорил
В час моих слез и беды.
Молча печали со мною делил,
Поскольку рядом был ты.

Он ничего не говорил —
Ангел-хранитель мой,
Даже о том, что верно любил,
Мой охраняя покой.

Он ничего не говорил,
Только втайне вздыхал,
Когда от меня ты уходил!
Но мне он давно все сказал.

* * *

И в час, когда кончается любовь,
Благодарю за счастье тайной муки,
И помнить буду, как надежны руки
У тех, кто любит и хранит любовь.

Но белой птицей кружится она
Над разоренным домом среди лета!
Полна душа простора у поэта.
Державная, для быта ли она?

Прощай, горенье среди бела дня.
Прощай “люблю”, щемящее, как вечер!
Прощайте, ослепительные речи,
Кружившие, пьянившие меня!

Но в час, когда кончается любовь,
Ее крылатость рядом остается.
И может быть, она еще вернется.
Но час настал... Прощай, моя любовь!

* * *

И ревность, и зависть плетутся за мною,
Любовь приготовила яд.
И тучи, и гром над моей головою:
Так ревность и зависть мне мстят.

Прохожие, мимо! Здесь нет перехода
И хода к душе моей нет.
Свободной рекою мне течь через года,
И только свобода — мой свет.

И ревность, и зависть, мосты ваши канут,
Снесу я рекой ваш оплот.
На дне вас враги ни за что не достанут,
На этом закончится счет.

Любовь, что готовила яд мне цикуты,
Замолкла на тысячу лет.
Я славлю могучее, древнее утро,
Где только свобода — мой свет.

БОМЖИХА И ПРЕЗИДЕНТ

Господин Президент,
Задержитесь на момент,
Посмотрите отчим оком:
Спит Бомжиха под кустом,
Под ракитовым кустом.
Но, очнувшись ото сна,
Вдруг промолвила она:
“Ахинеяная девчонка,
Говоришь ты не о том,
Сэсээрэм был мой дом.

В Средней Азии жила я,
Много лет ей отдала я,
Но под зад пинком она
Вышвырнула меня прочь,
Не своя, мол, русских дочь.
Господин Президент,
В этот радостный момент
Об одном лишь попрошу я,
Мне немножечко помочь,
Мне по-дружески помочь.

Говорят, я — идиотка,
Но, увы, я — патриотка.
Дым Отечества мне сладок,
А Россия — русский дом.
А потом хоть суп с котом.

Коль такая круговерть,
Дай возможность умереть
Мне на Родине любимой
Под ракитовым кустом.”

Говорят, в Кремлевских стенах
Родился приказ мгновенно —
Поместить Бомжиху эту
В мавзолей - пример векам,
Но она туда — никак.
Посылает всех к чертям,
Безыскусное дитя
Нашей двойственной эпохи,
От которой далека
Боль Бомжихи и тоска.

* * *

Тку свой мир стихами.
Строки заплетаю
Незаметных поисков
И раздумий тихих.
Прячу боль и горечь
В мысли, что отчаянно
Коллот мои пальцы,
Как узлы — ткачиху.
Полотно беленое
Расцветает ярко
От моей надежды
И моих волнений.
Принимайте, люди,
Этот мир подарком,
Что творила тайно я,
Как стихотворение.
Шаг шагни — открытие.
Что ни миг, то попытка.
Было ж все от сердца,
От души все было.
А для вас оставила
Длинную я нитку.
Вы доткните за меня,
Что я позабыла.

ИСТИНА

Годы, годы, как дым,
Пронеслись и растаяли где-то.
Утекли, как воды,
Что впитал безвозвратно песок.
За постылой зимой
Прикатило духмянное лето.
Только юность ушла...
Кто подумать об этом бы мог?

Мне давала судьба
Золоченые, легкие сани,
Лошадей белогривых
И кучера- весельчака.
Но ушла я пешком
На заре, на лукавой, на ранней.
Вслед прощально трубили
По лесу олени рога.

Пред собою, пред юной,
Я ни в чем, слышишь, не виновата.
Я жила, как дышала,
Вспоминая родной окаем.
Но мечтала найти
Зодчих дивного Китежа-града,
Чтоб построить еще
На земле чудо наших времен.

Что бывает в пути?
А бывает такое, не скажешь.
Ты пойди да проверь!

Так-то будет надежней, верней.
И на этом пути
Отчий дом вспомнишь ты не однажды,
Да, быть может, захочешь
Вернуть белогривых коней.

Как болит голова!
Только зорче, острее жизни мысли.
Да устойчивей ноги,
Хоть сбились подошвы у них.
Что-то сердце щемит.
Над окном тучи зябко нависли,
И одна я опять
Там, где ждали, конечно, двоих.
Он умчался вослед!
Не догнать ошалелую тройку,
Ничего не вернуть мне,
Ведь столько промчалось времен!
Я неслышно пришла
И покину вас тоже тихонько.
Белогривые, где вы?
У чьих неусыпных окон?

Ни о чем не прошу,
Только б мельком увидеть их снова,
На прощанье сказать,
Что душа-то их не предала.
Нет светлей тех снегов,
Нет надежней и леса родного!
С этой истиной вечной
К порогу родному пришла.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе.....	3
Крапивино.....	7
Золошка.....	8
Русская пляска.....	9
Багдад.....	11
Памяти Александра Лебеда.....	12
Музыка русского неба.....	13
“Славянский мир, вставай плечо к плечу!”.....	14
Испанские мотивы.....	15
Клеопатра.....	17
Ирэне Церович-Джамони.....	18
Гефсиманский сад.....	19
Суламифь.....	20
Ночь востока.....	21
Две матери.....	22
“Из дальних странствий возвратясь...”.....	23
Монолог сестры милосердия.....	24
“Ничто в природе смерти не боится...”.....	25
Внучке Анастасии.....	26
“Будучи с кем-то вдвоем...”.....	27
“Прерывается путь...”.....	28
“Моя религия – любовь...”.....	29
“В этой бедняцкой квартире...”.....	30
Девочка в белом.....	31
Встреча.....	32
Ёлки-палки.....	33
В день похорон Петра Проскурина.....	34
“Горит зарею под луной...”.....	35
Дочь Дон Жуана.....	36
“Под созвездие Весы ставила судьба весы...”.....	37

“Вот и все... Отболела душа...”	37
“Не гневи меня, мой милый!”	38
“Как будто искрой кто обжег...”	39
Снежная баба	39
“В одной моей тетрадке...”	40
На флорентийской улице	41
“Все, чему я удивлялась...”	42
“Крылья стрижей – брови твои...”	43
“Ты мне сказал, когда провожал...”	44
“Помаячил у окна и ладно...”	44
“В этом крае, мне известно...”	45
“Игра слов – камни самоцветные...”	45
“Война о себе нам оставила даты...”	46
“А он Жар-птицу...”	47
“Нервно дергает тик...”	47
“Опадаю вновь стихами...”	49
“Словно змею раскаленную в небо взметнуло!”	49
“Из ночи и дня выплывает лицо...”	50
“С тобой расстанусь я, но не расстанусь с ней...”	51
“Уйми печаль мою, лукавая метелица...”	51
Сон	52
“Ты есть и ты будешь помимо меня:”	53
“Есть слово “нежность”, есть “мечта”...”	54
Чудаки	55
Церковь Покрова на Нерли	56
“Вечер занавески закрывает наглухо...”	57
Психея	58
Старая сказка	59
Песня о матери	60
Незащищённость	61
“Мы ели халву и бананы...”	62
“Быть богатым – не проблема...”	63

Противостояние.....	64
“Ах, что с тобой, хозяйюшка, хозяйюшка моя?”	66
“По сибирских снегам разгулялись ветра... ”	67
“Там поставлены, знаю, капканы...”	68
“Еще не скошена трава...”	69
Соловей	70
Причет	71
Наговор.....	73
Заклинание	73
“В тот миг, когда снег...”	75
Памяти Георгия Свиридова.....	76
“К нам отец не вернулся с войны...”	77
Первая учительница	78
Из цикла “Дыхание космоса”	79
Бердюгино	80
Сибирская баня.....	81
Белый гребень.....	82
“Доброты не измерить твоей!”	83
Романс о розе	84
Восточный мотив	85
“Ах, это утро не понять...”	86
“Цветет жасмин. И, словно дух, витает...”	87
“Мы пронеслись с тобою полями, лугами...”	88
“Он ничего мне не говорил –...”	89
“И в час, когда кончается любовь...”	90
“И ревность, и зависть плетутся за мною...”	91
Бомжиха и президент	92
“Тку свой мир стихами...”	94
Истина	95

Худ редактора: Топоногова В.В.
Тех. редактор: Вьюнник М.Л.
Оригинал-макет, верстка: Акмалова Е.Ф.

Книга выходит в авторской редакции.
Некоммерческое литературно-художественное издание

ТАМАРА ПОНОМАРЁВА
ПСИХЕЯ
Стихи

Сдано в набор 27.08.2003г.
Подписано в печать 23.09.2003г.
Формат 60x90 1/16
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в МЦ МПО.

5p